

**БРАТΙΑ МОНАСТЫРЕЙ МОСКВЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.****Т.В. БАЛАШОВА**ФГУК ГИКМЗ  
«Московский Кремль»

В статье проанализирована специфика жизни монашествующих монастырей Москвы во второй половине XIX – начале XX вв. На основе послужных списков исследован социальный и возрастной состав, уровень образования братии. Рассмотрены уставы, определявшие порядок жизни в монастырях Москвы, и показано их влияние на формирование определенного типа монашествующих столичных монастырей. Изучены попытки преобразования в монастырях Москвы, связанные с общими тенденциями подъема монашеской жизни и увеличения социальной роли монастырей в среде столичного города. Показано значение должности настоятеля московских монастырей в карьере церковных иерархов, а также влияние личности настоятеля на известность и процветание монастыря.

Ключевые слова: монастыри, Москва, вторая половина XIX в., начало XX в., монашествующие, социальный состав, послужные списки, монастырские уставы, духовная карьера.

В Москве к началу XX в. находилось 25 монастырей. В них жили монашествующие, послушники и проживающие на испытании. Это было достаточно большое сообщество, учитывая, что монастырей в Москве было больше, чем в других городах и даже целых епархиях Российской империи. Монастыри Москвы славились своей историей, хранили множество святынь и являлись центрами духовной жизни города, привлекая множество богомольцев и любителей старины. Известность того или иного монастыря во многом определялась духовным авторитетом его иноков. Именно сами монашествующие и настоятели влияли на внутренний уклад монастырской жизни. Монастыри Москвы на протяжении нескольких веков пользовались привилегиями столичных обитателей и покровительством светских и церковных властей. Расположение в крупном городе способствовало частому соприкосновению с мирской средой. Все это создавало особый тип столичного монастыря, который во многом определял и состав братии.

Социально-экономические изменения, происшедшие в стране после отмены крепостного права, оказали существенное влияние на развитие Москвы. Процессы урбанизации отразились на различных сторонах городской жизни – экономическом развитии, социальном облике, повседневной жизни. Этот факт делает особенно интересным изучение жизни монахов и монахинь московских монастырей в условиях развивающегося города и меняющейся социальной и культурной среды второй половины XIX – начала XX вв.

Законодательство второй половины XIX – начала XX в. о монашествующих.

Все стороны жизни монашествующих во второй половине XIX – начале XX вв. определялись законодательством Российской империи. Желая стать монахом не должен был находиться под судом, иметь супружеских уз и неоплаченных долгов. Служащие должны были предъявить увольнение от начальства, лица податных сословий – увольнения от своих обществ и согласие Казенной Палаты. Окончательное решение об увольнении в монашество выносил губернатор.

Для поступления в московский монастырь требовалось согласие настоятеля или настоятельницы и резолюция епархиального начальства. На благоусмотрение архиерею подавались документы с указанием возраста, сословного положения, образования кандидата и отсутствия препятствий для поступления в монастырь. Митрополитом Филаретом (Дроздовым) были составлены «Правила благоустройства монашеских братств в Москве», утвержденные Синодом в 1852 г. Они предписывали не принимать в монастыри Москвы или принимать только после строгого испытания тех, кто «замечены в проступках против благоповедения»<sup>1</sup>.

До пострижения в монашество необходимо было прожить в монастыре «безысходно под испытанием настоятеля или настоятельницы» не менее трех лет. Послушники должны были находиться «под особым руководством старца», в качестве которого мог

<sup>1</sup> Чижевский И. Собрание церковно-гражданских постановлений о монашествующих и монастырях. Харьков, 1898. С. 155.

выступать настоятель, духовник монастыря или кто-либо еще из братии, «способные назидать словом и примером».

Монастырские послушники делились на указных и неуказных. Первые были определены в штат монастыря по указу консистории. До этого они жили в монастыре «на испытании» и назывались «неуказными». Синод обязывал настоятелей и настоятельниц немедленно удалять из монастырей тех послушников и послушниц, которые будут замечены монастырским начальством «в несвойственных иноческой жизни качествах»<sup>2</sup>.

Постриг в монашество по законодательству Российской империи разрешался мужчинам с тридцати, а женщинам с сорока лет<sup>3</sup>. Исключение составляли выпускники духовных семинарий и академий, которые могли постричься в монашество с 25 лет и вдовы священники. При решении о постриге учитывались возраст кандидата, время, проведенное в монастыре на искусе, свидетельства о поведении и «беспрепятственность в гражданском ведомстве».

#### Особенности жизни монашествующих московских монастырей

Рассмотрим послужные списки пяти московских обителей конца XIX в., имевших различный статус: кафедрального, ставропигиального первоклассного и третьеклассного мужских монастырей, а также первоклассного и третьеклассного женских.

Число и состав братии зависели от класса монастыря. Например, в Чудовом монастыре и Архиерейском доме по штатам должны были состоять наместник, эконо, ризничий, 11 иеромонахов, 8 иеродьяконов и 7 монахов и бельцов, то есть 29 человек. В 1894 г. в послужных списках кроме наместника значились казначей, эконо, ризничий, 11 иеромонахов, 2 иеродьякона и 5 указных послушников<sup>4</sup>. В штате ставропигиального Новоспасского монастыря в 1894 г. состояло 20 человек, среди них 10 иеромонахов, 6 иеродьяконов, 2 монаха и 2 указных послушника<sup>5</sup>. Состав братии третьеклассного монастыря был несколько меньше. В 1897 г. в Златоустовом монастыре состояли 7 иеромонахов, три иеродьякона и один монах<sup>6</sup>.

Состав женских монастырей был гораздо более многочисленным. В штате Страстного третьеклассного монастыря в 1894 г. находились 34 монахини и 3 рясофорные послушницы. Кроме того, в монастыре проживали 14 заштатных монахинь и послушницы на испытании<sup>7</sup>. Состав первоклассного Вознесенского монастыря был почти вдвое больше. В 1883 г. в нем проживали 63 монахини и 48 послушниц<sup>8</sup>.

В целом, численность монахов и монахинь монастырей Москвы соответствовала общероссийским тенденциям. В конце XIX в. на один мужской монастырь в среднем приходилось около 25 человек: 14 монахов и 11 послушников, на один женский монастырь в среднем приходилось 120 обительниц, в том числе 30 монахинь и 90 послушниц<sup>9</sup>.

*Социальный состав* женских и мужских монастырей также заметно различался. В мужских обителях он был достаточно смешанным, но преобладали выходцы из духовного сословия. На втором месте стояли бывшие крестьяне и мещане. Крайне редко встречались представители купечества и дворянства. Например, в Новоспасском монастыре в 1894 г. проживали восемь человек братии из духовного звания, пятеро из крестьян, пятеро из мещан, один военный и один из цеховых. В Златоустовом монастыре шесть человек братии были из духовенства, двое из крестьян, двое из мещан и один из купцов. В Чудовом монастыре проживали семь выходцев из крестьян, шесть из духовенства, шесть из мещан, а также отставной штабс-капитан и сын титулярного советника.

В женские монастыри, наоборот, крайне редко поступали дочери духовных лиц. Большинство было представлено бывшими крестьянками и мещанками. Представительниц купечества и дворянства в женских обителях было хотя и немного, но больше, чем в мужских монастырях; притом дворянки предпочитали, как правило, монастыри первого класса. В Вознесенском монастыре состояло 28 монахинь и 18 послушниц из мещанского

<sup>2</sup> Пролович А. Сборник законов о монашествующем духовенстве. Троице-Сергиева Лавра, 1902. С. 20.

<sup>3</sup> Свод законов Российской империи. Т. 9. СПб., 1899. Свод законов о состояниях. С. 410.

<sup>4</sup> РГАДА. Ф. 1207. Оп. 1. Д. 966. Л. 34 об – 35.

<sup>5</sup> РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1/44. Д. 11. Л. 68-78.

<sup>6</sup> РГАДА. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 14 а. Л. 2 об. – 11.

<sup>7</sup> РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1/44. 1895. Д. 11. Л. 10 – 25.

<sup>8</sup> РГАДА. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 149. Л. 70 об. – 81.

<sup>9</sup> Преображенский И.В. Отечественная Церковь по статистическим данным с 1840-1841 по 1890-1891 гг. Изд. 2-е. СПб., 1901. С. 17.



сословия, 24 монахини и 26 послушниц из крестьян. Четыре монахини были родом из семей духовенства, две из купечества, одна из цеховых. Среди монахинь состояли дочь барона и дочь подполковника, среди послушниц две дворянки, дочь чиновника и вдова подпоручика. Две монахини были воспитанницами Воспитательного дома. В Страстном монастыре проживали 32 монахини и послушницы из крестьян, 10 из мещан, 4 из духовенства, 2 из купечества, 1 из цеховых, а также вдова коллежского секретаря.

Уровень образования монашествующих в целом был не слишком высок. Однако, как в мужских, так и в женских монастырях в послужных списках отмечалось отсутствие неграмотных. В мужских обителях братия из духовного звания имела за плечами, как правило, несколько классов духовных училищ. Выходцы из мещан обучались в уездных городских училищах. Про монахов крестьянского происхождения в послужных списках указывалось: «обучен читать и писать» или «обучен в доме родителей чтению и письму». В Страстном монастыре «читать и писать» умели 37 монахинь, только «читать» – 12. Кроме того, две монахини умели вышивать золотом, одна – играть на скрипке, две монахини получили образование в Филаретовском училище. В Вознесенском монастыре «читать и писать» умели 28 монахинь и 18 послушниц, читать были обучены 33 монахини и 30 послушниц. Монахини и послушницы дворянского происхождения были «обучены разным наукам».

#### Возраст.

Средний возраст монашествующих по мужским монастырям Москвы колебался между 50-55 годами, женских – между 53-60. Средний возраст указных послушников составлял 30 лет, послушниц – 40 лет. Большинство неказных послушников проживало при монастырях в возрасте 20-30 лет, неказных послушниц – в возрасте 23-33 года.

#### Поступление в монашество и возведение в сан.

Между определением в монастырь и постригом, например, в Новоспасском монастыре, проходило от 4 до 13 лет. Большинство монашествующих приняли постриг в возрасте от 33 до 42 лет. Дьяконами становились в возрасте от 33 до 44 лет. В сан иеромонаха посвящали в возрасте от 40 до 51 года<sup>10</sup>.

Посвящение в сан иеродьякона или иеромонаха меняло статус монашествующего. Поступившие в Чудов монастырь ожидали посвящения в сан от 5 до 16 лет. Иеродьяконами становились, как правило, в возрасте 31-34 лет, иеромонахами – в возрасте 36-44 лет.

В третьеклассном монастыре зачисление в штат, постриг и посвящение в сан происходило значительно быстрее, чем в первоклассном ставропигиальном или кафедральном монастырях. Поступившие в Златоустов монастырь в возрасте от 24 до 27 лет принимали постриг в возрасте 32-33 года. Через год они получали сан иеродьяконов, в течение 2-5 лет становились иеромонахами. Поступившие в монастырь в более зрелом возрасте принимали постриг через год-два пребывания в монастыре, еще через несколько лет они посвящались в сан<sup>11</sup>.

В женских монастырях постриг значительно менял статус послушницы, но ожидать его приходилось значительно дольше, чем в мужских. Немалый срок проходил и между приходом в монастырь и официальным зачислением в него, то есть получением статуса указной послушницы, с которым обычно совпадал постриг в рясофор. Средний возраст поступления в Страстную монастырь составлял 22 года, средний возраст зачисления – 33 года. Затем еще около 10 лет, как правило, послушница ожидала пострига. Средний возраст, в котором указные послушницы становились монахинями, составлял 44 года<sup>12</sup>.

Зачисление в Вознесенский монастырь также происходило через несколько лет жизни и труда в обители. Средний возраст послушниц при зачислении составлял 37 лет. Постриг происходил в среднем через 9,5 лет после зачисления. Средний возраст пострига составлял 46,5 лет. Самый ранний постриг был совершен в 32 года, самый поздний в 71 год. Больше всего постригов проходило в течение нескольких лет после достижения послушницей сорокалетнего возраста<sup>13</sup>.

#### Смена монастыря.

Церковные правила, сформулированные еще на Вселенских соборах, предписывали монашествующим пребывать в тех монастырях, где они отреклись от мира. Тем не менее, переходы из одного монастыря в другой были довольно частым явлением. Например, из 20 человек братии Новоспасского монастыря только 7 начинали свою монаше-

<sup>10</sup> РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1/44. Д. 11. Л. 70 об. – 71, 72 об. – 73.

<sup>11</sup> РГАДА. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 14 а. Л. 2 об. – 11.

<sup>12</sup> РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1/44. 1895. Д. 11. Л. 10 – 25.

<sup>13</sup> РГАДА. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 149. Л. 70 об. – 81.



скую жизнь в этой обители. Остальные сменили от 1 до 5 монастырей. Например, иеромонах Пантелеимон до поступления в Новоспасский монастырь, был монахом в 4 монастырях Калужской епархии: 20 лет он провел в Боровском Пафнутьевом монастыре, после чего был переведен в Тихонову пустынь, затем в Оптину пустынь, после в Мещевский Георгиевский монастырь, затем в Новоспасский. В третьеклассный Златоустов монастырь также переходили иноки из других обителей. Из 11 монашествующих 5 человек сменили от 1 до 3 монастырей различных епархий.

В Чудовом монастыре из 18 монашествующих только 5 поступили сразу в эту обитель. Состав кафедрального монастыря определялся его статусом. Некоторые из его братии прежде управляли различными монастырями и подворьями. Ведущие должности занимали монахи, имевшие опыт жизни и послушания в крупных и знаменитых обителях.

В женских монастырях, в отличие от мужских, большинство монахинь на протяжении всей жизни оставались в том монастыре, в который поступили послушницами. Среди инокинь Страстного монастыря (51 человек) только девять перешли из других обителей. Подавляющее большинство монахинь Вознесенского монастыря также всю жизнь посвятили одной обители, только две перешли из Бородинского монастыря.

#### Послушания.

В мужских монастырях главной обязанностью священноиноков было совершение церковной службы, а также треб для богомольцев. Послушники и часть иеродьяконов несли клиросное послушание. Обязанностью монахов и части послушников было чтение псалтири.

Важнейшую роль в управлении монастырем играли казначей, ризничий и благочинный. Казначей заведовал денежными суммами монастыря, вел отчетность, выдавал жалование монахам. В ведении ризничего находилось монастырские церкви и ризница. В обязанности благочинного входило наблюдение за церковной службой и порядком в обители. Духовно-нравственной жизнью братии руководил духовник. Духовниками женских обителей, как правило, являлись иеромонахи мужских монастырей Москвы.

Монашествующие могли получить различные награды. Самым распространенным поощрением иеромонахов было награждение набедренником<sup>14</sup>. В Новоспасском монастыре семь из десяти иеромонахов имели такую награду. Один из иеромонахов был награжден наперсным крестом «от Синода выдаваемым за усердную службу». Монашествующие могли получать и другие награды. Например, иеромонах Златоустова монастыря Авель, два раза ходивший в плавание на крейсере «Адмирал Нахимов» в качестве священника на флоте, был награжден в 1892 г. крестом от Синода и испанским морским знаком ордена 1-го класса с грамотой. Годом раньше наследник Николай Александрович пожаловал ему золотой наперсный крест с цепочкой с драгоценными камнями. Во время пребывания русской эскадры во Франции в 1893 г. он был награжден от французского правительства золотым наперсным крестом, а в 1896 г. – орденом св. Анны 3-й степени<sup>15</sup>.

В женских монастырях важнейшими после настоятельницы также являлись должности казначеи, ризничей и благочинной. Как правило, до получения этих должностей монахини исполняли различные послушания. Например, казначея Страстного монастыря, монахиня Сергия, вдова коллежского секретаря, поступившая в монастырь в 26 лет, сменила должности экономки, смотрительницы в Болгарском приюте при монастыре, старшей в просфорне, помощницы ризничьей и благочинной. В монашество она была пострижена в 47 лет и через три года назначена казначеей.

Некоторые монахини совмещали сразу несколько послушаний. Например, монахиня Сарра пела в монастырском хоре и учила рукоделию в монастырской школе. Монахиня Херувима также пела на клиросе, правила церковным уставом и вышивала золотом. Часть заштатных монахинь находились «без послушания по старости лет», но некоторые продолжали исполнять послушания: читали поминания, вышивали золотом и пели в хоре<sup>16</sup>.

Послушания в женских монастырях распределялись не только в зависимости от способностей, но и от статуса проживающей. В Вознесенском монастыре на наиболее тяжелых послушаниях, таких как работа в просфорной и на кухне, были задействованы по-

<sup>14</sup> Набедренник – часть богослужебного облачения священника в виде прямоугольника, который носится на длинной ленте у бедра. Право ношения набедренника дается священникам в качестве награждения.

<sup>15</sup> РГАДА. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 14 а. Л. 7 об. – 8.

<sup>16</sup> РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1.44. 1895. Д. 11. Л. 10 об. – 13, 15 об. – 16, 19 об. – 23.



слушницы, в то время как за состоянием церквей и церковного богослужения следили монахини<sup>17</sup>. Свободное от послушаний время монахини тратили на рукоделия. Женские монастыри Москвы славились изготовлением высокохудожественных произведений искусства. Во второй половине XIX – начале XX вв. в них создавались церковная утварь, монастырская одежда и выполнялись частные заказы.

#### Монастырский устав.

Уклад жизни монастыря зависел, прежде всего, от его устава. Большинство монастырей Москвы имели необщежительный устав. В них монашествующие имели отдельные кельи и самостоятельно распоряжались своей собственностью, например, одежду и все необходимые вещи приобретали сами. Они получали в качестве жалованья часть монастырских доходов и могли продавать результаты своего труда. Общей была только трапеза, которую предоставлял монастырь. Необщежительный устав давал братии достаточно большую независимость и фактически исключал возможность духовного руководства со стороны настоятеля.

Устав общежительного монастыря предполагал общий труд для пользы обители и отсутствие собственности. Все необходимое для жизни монашествующие получали от монастыря, а результаты их труда поступали в пользу обители. Общежительный устав требовал беспрекословного повиновения настоятелю, который мыслился как глава многочисленной монашеской семьи, призванный заботиться о душевных и телесных нуждах братии. «В общежитии, без сомнений, более забот, скорбей, столкновений, лишений, борьбы с людьми и с самим собою, но в них-то и растет дух человека, образуется терпение, крепость, мужество»<sup>18</sup>, – считала игуменья Страстного монастыря Евгения (Озерова). Общежительный устав был введен в Москве только в монастырях, открытых во второй половине XIX в<sup>19</sup>.

Введение общежительного устава, по мнению Синода, должно было уменьшить «поводы к справедливым нареканиям» и поставить монастыри «ближе к идеалу монашества»<sup>20</sup>. Во второй половине XIX – начале XX вв. не раз предпринимались попытки его введения в российских монастырях. Однако в московских обителях это вызывало существенные трудности, связанные с их традициями и составом братии. Московские монахи представляли собой людей зрелого возраста, прошедших всю свою сознательную жизнь в монастыре вне условий общежительного устава. Архимандрит Новоспасского монастыря Макарий (Гневушев) считал, что введение общежития должно было представлять собой длительный процесс, «установление такого распорядка жизни и деятельности монашеской братии, который бы постепенно хотя бы, отучил эту братию от исключительных взглядов на монастырское житие, как на источник безбедного существования»<sup>21</sup>.

Преобразования в Чудовом монастыре были связаны с именем его последнего наместника архимандрита Арсения (Жадановского). Он стремился приблизить Чудов монастырь по внутреннему строю к лучшим обителям того времени. Монахи должны были непременно посещать все церковные службы и общую трапезу. Они могли покидать монастырь только с разрешения начальства. Вход женщин в ограду и кельи был запрещен. За входящими и выходящими из монастыря смотрел привратник, запиравший ворота в восемь часов вечера. Начинания нового наместника понравились далеко не всей братии, часть монахов покинула монастырь. Архимандриту Арсению приходилось приглашать иноков из других обителей. Вскоре он пришел к выводу, что «молодые люди, расположенные к иночеству, минув шумную Москву, шли спасаться в тихие отдаленные пустыни»<sup>22</sup>.

Особенно сильное сопротивление попыткам настоятелей установить дисциплину возникало в среде неуказных послушников. При поступлении в монастырь ими нередко двигала возможность заработка, особенно высокого у монастырских певчих. Состав не-

<sup>17</sup> РГАДА. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 149. Л. 70-81.

<sup>18</sup> Евгения (Озерова Е.С.) Страницы из неопубликованного дневника игуменнии Евгении (Озеровой) // Женская Оптина. Материалы к летописи Борисо-Глебского женского Аносина монастыря. М., 2005. С. 298.

<sup>19</sup> В 1862 г. был учрежден Всехсвятский Единоверческий женский монастырь, в 1866 г. – Никольский Единоверческий мужской, в 1879 г. был возрожден старинный Ивановский женский монастырь, после войны 1812 г. обращенный в приходскую церковь и в 1890 г. был открыт Скорбященский женский монастырь.

<sup>20</sup> Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода. 1867-1900. Сост. А.М. Завьялов. СПб., 1901. С. 85-86.

<sup>21</sup> РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1.47. 1909. Д 67. Л. 12 об. – 20.

<sup>22</sup> Епископ Арсений (Жадановский). Воспоминания. М., 1995. С. 275-276.



указных послушников постоянно менялся. При отчислении послушника из монастыря «за неблагоповедение» консистория уведомляла остальные монастыри московской епархии о запрещении принимать его в монастырь. В 1901 г. список послушников, выгнанных из монастырей московской епархии, состоял из 552 человек. Примерно половина – 231 послушник – были исключены из монастырей Москвы<sup>23</sup>.

Дисциплина и духовный уровень во многом зависели от просвещения братии. В начале XX в. во многих монастырях создавались послушнические школы, в которых проводились занятия по катехизису, Ветхому и Новому Завету, церковной истории и уставу. Но в первую очередь установление дисциплины и порядка в монастыре зависело от настоятеля.

#### Настоятели.

На протяжении нескольких столетий из стен московских монастырей вышло немало выдающихся государственных и церковных деятелей. Во второй половине XIX – начале XX вв. московские обители также нередко возглавляли выдающиеся иерархи своего времени – ректоры семинарий и академий, московские vikарии, духовные писатели.

Духовный регламент предписывал избирать настоятелей монастырей из числа «благонравных, и в жительстве иноческом искусных, беспорочных и свидетельствованных, добре ведущих разум писания и устав жития монастырского»<sup>24</sup>. Но не всегда настоятели были «в жительстве иноческом искусны». Часто ими становились представители «ученого монашества», выходцы из духовных академий, не имевшие практического опыта жизни в монастырях. Как правило, настоятельство в московских монастырях было ступенью в восхождении по иерархической лестнице на пути к епископству. В биографии многих vikариев московской епархии и двух московских митрополитов XIX в. был период, когда они являлись настоятелями монастырей Москвы. Митрополит Филарет (Дроздов) в 1816–1819 гг. был настоятелем Новоспасского монастыря, продолжая оставаться ректором Санкт-Петербургской духовной академии, а с 1817 г. – епископом Ревельским. Митрополит Сергей (Ляпидевский) в 1858 г. возглавлял Высоко-Петровский монастырь, в 1859–1861 гг. – Заиконоспасский, после чего был назначен епископом Курским и Белгородским. Vikарии московской епархии выбирались чаще всего из архимандритов московских монастырей. Например, Леонид (Краснопевков), в 1849–1850 гг. являлся настоятелем Златоустова монастыря, в 1850–1854 гг. – Знаменского, в 1854–1859 гг. – Заиконоспасского, после чего был назначен епископом Дмитровским, vikарием Московской епархии. Московские настоятели нередко исполняли должности ректоров духовных учебных заведений. По традиции, ректоры московских семинарии и академии получали в управление один из монастырей Москвы.

В женских монастырях на пост настоятельницы назначались, как правило, казначея или ризничая этого же или другого монастыря. Большинство московских настоятельниц были родом из дворянских семей, реже ими становились представительницы других сословий. В 1889 г. пять настоятельниц монастырей Москвы были дворянками, игуменья Алексеевского монастыря была из купеческого сословия, Рождественского монастыря – из духовного, Всехсвятского единоверческого – из крестьян, Зачатьевского – из мещан<sup>25</sup>.

Личность настоятеля или настоятельницы нередко определяла известность монастыря и его процветание. Например, архимандрит Леонид (Краснопевков) установил в Заиконоспасском монастыре «благое и чинное богослужение» и чтение проповедей. Это способствовало тому, что «весьма многие из аристократических московских фамилий стали посещать и семинарскую, и монастырские церкви, смотря по тому, где служил о. Леонид»<sup>26</sup>.

Фигура настоятеля, как и общий уровень духовной жизни братии монастырей Москвы, имели особенное значение. Находясь в крупном развивающемся городе, имевшем статус первопрестольной столицы, монастыри являлись духовными и историко-культурными центрами города. Во второй половине XIX – начале XX вв. увеличилась социально-просветительная роль монастырей: в них стали открываться школы и приюты, проводиться внебогослужебные собеседования с прихожанами. Все это требовало возвышения жизни самих монашествующих. В начале XX в. особое внимание уделялось открытию школ для послушников и монахов, а также установлению дисциплины и порядка в

<sup>23</sup> РГАДА. Ф. 1188. Оп. 1. Д. 512.

<sup>24</sup> Проволович А. Указ. соч. С. 21.

<sup>25</sup> Список настоятельниц женских монастырей и общин. СПб., 1889. С. 18–23.

<sup>26</sup> Савва (Тихомиров), архиеп. Воспоминания о высокопреосвященном Леониде, архиепископе ярославском и ростовском. Харьков, 1877. С. 43.



монастырях. Негативные проявления во внутренней жизни монастырей часто были связаны с особенностями необщественного устава, традиционного для московских монастырей, столичное положение которых и постоянный приток богомольцев обеспечивали значительное материальное благополучие. Существенная разница между возрастным составом и укладом жизни послушников и монахов, а также между уровнем образования настоятеля и братии, вызывала раздробленность внутри монастырского сообщества и препятствовала введению общежительного устава. Вопросы возвышения монашеской жизни были достаточно насущными в рассматриваемый период, и в ряде монастырей Москвы усилием настоятелей делались попытки приблизить уклад жизни к высоким идеалам монашества. Городские монастыри не были изолированы от мира. Настроения, царившие в обществе, проникали и за монастырские стены. Это стало особенно очевидным на рубеже XIX – XX вв. в связи с ростом оппозиционных и антицерковных тенденций. Подъем духовной жизни и просветительской деятельности монастырей был необходим прежде всего в таком городе, как Москва. Монастыри, находившиеся «в кругу самого мира»<sup>27</sup>, являлись центрами притяжения для сотен и тысяч паломников и образом своей жизни должны были являть тот идеал монашества, который искали приходившие в монастырь богомольцы.

### **MONKS AND NUNS FROM THE MOSCOW MONASTERIES AND CONVENTS FROM THE MID OF THE 19<sup>th</sup> CENTURY TILL 1917**

The article analyses specific features of monks' and nuns' life in Moscow monasteries and convents from the mid of the 19<sup>th</sup> century till 1917. Records of monastic service were used as sources for researching monks' and nuns' social origin, age, educational level and ranking. Research was also conducted into monastery statutes to define their influence on the brotherhood's way of life. The article examines some measures taken to modernize monastic life in Moscow and to increase monasteries' social role in the urban milieu of the capital city. The authority and responsibility of the monasteries' superiors was reflected in their ranking within the monastic hierarchy; in addition, the influence of their personalities was reflected in the reputation and prosperity of their monasteries.

Key words: monasteries, convents, Moscow, second half of the 19<sup>th</sup> century, early 20<sup>th</sup> century, monks, nuns, social structure, records of service, monastic statutes, ranking of leading clergy.

**T.V. BALASHOVA**

*The Moscow Kremlin  
Museum*

---

<sup>27</sup> РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1/47. 1909. Д 67. Л. 13 об.